

всего не прерывалась тщетными упражнениями в переводах из Данте и если бы сам г. Эллис не так часто впадал в истерику». И далее: «Поклоннику Мистической Розы должно излечиться от нервов; поклонение есть „стояние на страже“, а не „богема“ души. Нервный мистицизм и „Вечная Женственность“ не имеют ничего общего» [2, т. 5, с. 610]. Эта рецензия была написана в январе 1906 г., и, как видно из процитированных слов, к этому времени у Блока сложилось уже мироощущение, соединившее Мистическую Розу, Вечную Женственность и «стояние на страже», составившее сюжетно-идеологическое и символистско-мифологическое ядро драмы «Роза и Крест».

В тексте Данте обнаружили открытую эмблматику розенкрейцерства, в частности Е. Леви в популярной в начале века книге «История магии» указывал на грандиозные образы Креста и Розы, венчающие поэму [17, с. 261].

Для Блока была чрезвычайно важной центральной тема «Комедии» Данте и ее решение, продиктованное тайным учением братства тамплиеров: человек, его путь от тьмы к свету, через познание и самопознание, его нисхождение в долину смерти и последующее восхождение в горний свет. Совершающему этот путь необходим учитель, проводник, раскрывающий ему тайны мира, выводя из «незнания» к «знанию». Таким учителем для Бертрана становится Гаэтан, правдивые «сказки» которого он вначале не может понять своим «бедным и простым разумом»: «„Радость — Страданье!“ Что это значит?» В финале, завершая свой трудный земной путь, оправдывая свое человеческое предназначение — в самоотвержении, в любви, «стоянии на страже», — Бертран достигает полноты прозрения:

Смерть, умудряешь ты сердце...
Я понял, понял, Изора:
«Сердцу закон непреложный —
Радость — Страданье одно...
Радость, о, Радость — Страданье,
Боль неизведанных ран!..»

Завершающие драму слова Бертрана представляют анаграмматическую запись его имени (б...ед...ран) и рифмуются с ним. Этой рифмой как бы зафиксирован момент вхождения в «тишину громовую» и слепящий свет: «Роза, гори!»

Второй ведущий мотив поэмы Данте — роль Вечно Женственного на пути восхождения героя — также звучит в драме Блока. В образе Изоры находит выражение гностическая трактовка Божественной Женственности. Низменная страсть героини, ее порочно чувственная природа, неразборчивость, жестокость, своеволие, эгоизм, хитрость — качества, мало отличающие ее от Алисы (ср. также связь имен Алиса — Алискан), — лишь земные проявления падшей Женственности, которой суждено вернуться в вечный свет и занять свое место в Божественной иерархии, там, где Беатриче. Отсюда — открытый финал драмы Блока (Изора плачет над мертвым Бертраном) и авторская его трактовка: «одна Изора остается на полпути, над трупом Бертрана, окруженная зверями и призраками, с крестом, неожиданно для нее, помимо воли ей сужденным» [2, т. 4, с. 538].

9

Мистический смысл драмы «Роза и Крест» отсекался исследователями творчества Блока прежде всего потому, что принимались на веру (см., например, [18, с. 69]) высказывания Блока в дневниковых записях 21 ноября и 1 декабря 1912 г.:

«Утром Люба подала мне мысль: Бертран кончает тем, что строит капеллу Святой Розы. Обдумав мучительно это положение, я пришел к заключению, что не имею права говорить о мистической Розе, что явствует из того простого